

ИГРАЕТ СВЯТОСЛАВ РИХТЕР

ЕСЛИ говорить о том, что каждый концерт артиста становится событием, и событием выдающимся; если говорить об артисте, искусство которого не знает пределов, — это значит говорить о Святославе Рихтере. В последнее время он много играл нам Шумана и Шопена, Рахманинова и Прокофьева, Гайдна и Бетховена. И это было исполнение удивительное, неповторимое, рихтеровское.

Вечером 9 июня выдающийся пианист современности народный артист РСФСР Святослав Рихтер выступил в Большом зале Московской консерватории с До-минорной сонатой Иосифа Гайдна, тремя сонатами Бетховена — Третьей, Двадцать второй и знаменитейшей Двадцать третьей — «Аппассионатой».

После концерта, явившегося новым триумфом Рихтера, корреспондент «Известий» попросил профессора Нейгауза поделиться с читателями своими впечатлениями.

— Очень трудно говорить, — начал Нейгауз, — от концерта Рихтера ведь очень устаешь. Но это замечательная усталость. Пианист заставляет тебя чувствовать, переживать, думать. Слушатель творит вместе с ним. Соната Гайдна была просто великолепна. Во всех трех частях Рихтер, в отличие от многих других пианистов, абсолютно точно следовал авторскому тексту. Это необходимо. Это именно Гайдн. Время Гайдна, когда медленные досуги заполнялись долгозвучающей музыкой. Композитора Рихтер чувствует удивительно точно. Можно очень долго говорить о том, что такое стиль того или иного мастера, но лучше просто послушать Рихтера. И все станет ясным. Многим пианистам не хватает этого точного ощущения стиля. Ведь играют же подчас Брамса с листовским пафосом, Листа — как Баха, а Баха — как душещипательный романс. А вот когда Рихтер после До-минорной сонаты Гайдна начал Третью Бетховена, то изменилось все: изменился ро-яль, изменились звук, ритм, изменился характер экспрессии. И это было понятно. То был Гайдн, а теперь Бетховен. Юный Бетховен, ниспровергатель Бетховен. В первой части «Аппассионаты» бы-

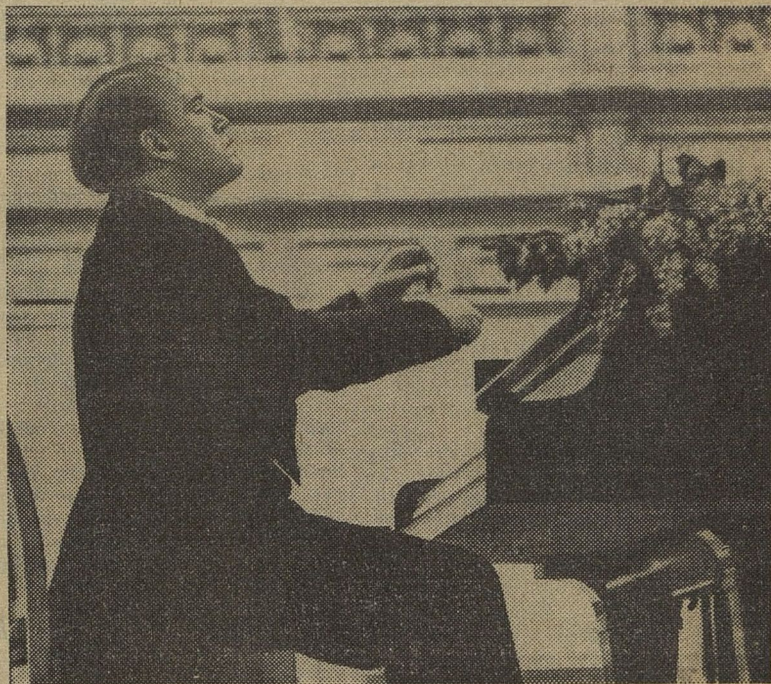
ла истинная величавость. Смерч последней части просто потрясающий. И великолепна была средняя часть — анданте: горное озеро с мерцающей зыбью, контраст к первой и третьей частям, к музыке человеческой души.

Рихтеру во всем присуща удивительная соразмерность, гармония. Редчайшее умение охватить целое и одновременно воспроизвести малейшую деталь. Вся музыка для него — это образы. Например, о третьей части Второго концерта Прокофьева он как-то сказал: Дракон пожирает детей.

Я знаю много прекрасных пианистов, но все-таки Святослав Рихтер первый среди равных. Это сверхмощный дух и глубина, целомудрие и величайшее совершенство. По-моему, большое достоинство искусства Рихтера в его классичности, объективности, в отсутствии каких бы то ни было деталей эстетического, эмоционального или технического порядка, которые

могли бы угрожать целостности музыкального образа.

В этом отношении Рихтер человек нашего времени и нашей страны. В смысле «классичности», т. е. органичности, логики и душевной силы его музыка, несомненно, перекликается с творчеством Дмитрия Шостаковича. Другое большое достоинство Рихтера — в широте его кругозора и вкуса, в его способности с одинаковой убедительностью исполнять буквально всю музыкальную литературу — от ее истоков до наших дней. У Рихтера это, однако, не всеядность безразличия, а широта «исторического чувства». И это историческое чувство является в высочайшей мере продуктом советской эпохи, нашего времени, нашего воспитания и наших идейных устремлений. Я всегда буду не только восхищаться Рихтером, но и учиться у него. Рихтера я считаю учеником нашей страны, нашего времени и нашего народа. И только в последнюю очередь своим.

За роялем Святослав Рихтер.

Фото И. Сашина.

«ИЗВЕСТИЯ»
в МОСКВА

10 ИЮН 1960